

ДРЕВНЕРУССКИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ЗЛЕ КАК ПРИЧИНЕ ПОЯВЛЕНИЯ ВРЕМЕНИ

А.П. ЩЕГЛОВ

Появление времени древнерусская метафизическая мысль непосредственно объединяла с появлением зла, которое, в свою очередь, рассматривалось как физическая конечность и духовный изъян любого проявления бытия. В Древней Руси существовало три вида понимания времени. Первое понимание можно условно обозначить как Абсолютное Время. Это время связано с внутренней жизнью Абсолюта, оно неведомо, недоступно для любого восприятия и бесконечно отстоит от всего относительного. Абсолютное Время предстает как некий трансцендентный символ лишь смутно обозначающий бытие Абсолюта, Его трансформации и трансфигурации: «*второе единосущество Отцу и числу и времени*»¹ («вторая <Вторая Ипостась в Троице – Логос (Иисус Христос) – А. Ш.> единосущестна по числу и времени» – А. Ш.). В данной дефиниции видится полная тождественность природ в Троичном Абсолюте, что подтверждается следующим определением: Третья Ипостась «*преже всех век. Исходить же Дух Святыи*»². («прежде всякой вечности исходит <от Бога Отца, Начального Абсолюта. – А. Ш.> Дух Святой без времени и без тела»). «Исхождение» из Начального Абсолюта, абсолютной Жизни, подразумевало момент жизни Абсолюта, Его «обозначение» внутри Себя как Абсолютной Жизни вне любого относительного времени и пространства. «Исхождение» («Исхождение») Третьего Лица Абсолюта воспринималось именно как Основа неуловимых, духовных и ноуменальных начал, определяющих саму сущностную жизнь явленных вещей в идеальном времени.

Вторым моментом понимания времени было наличие так называемого «*присносущего времени*»³ («вечносуществующего времени». – А. Ш.) или идеального времени. Это время появляется в результате воли и движения Абсолюта, как совершенный зон, имеющий чистый смысл и чистую сущность. В древнерусских философских текстах оно обозначается как «*Век, жизнь, вечность*»⁴ («Век, жизнь, вечность». – А. Ш.). Идеальное Время обнаруживает последовательное существование бытия в ноуменальных и материальных образах и формах. Как и время, пространственно-временной континуум первоначально имел идеальные черты. Совершенные образы бытия существовали в идеальной вечности, «*веке*», в бесконечной протяженности, обозначаемой как «*присносущее время*». Другими словами, в Древней Руси «время» понималось как само бытие, а не только как онтологический

атрибут бытия или форма бытийственного существования. Бытие и «время» отождествлялись. «Время» выражалось как начало и протяженность бытия в их вечном существовании. «*Невозможно... вне же время суть в мире бытии*»⁵ («Невозможно... вне времени существовать в мире». — А. Ш.). Сущестующее вечно, «*присносущее время*», можно обозначить в виде первоначального и завершенного в самом себе бытийственной зона, не имеющего вещественной субстанции. Иными словами, первоначальное, идеальное время, как и наше энтропийное, фактическое время не являются физическими сущностями. Время не субстанциально. Время не допускает ни эмпирического объяснения своего происхождения, ни рационального объяснения своей сущности. В первом отношении можно принять как очевидную аксиому следующее утверждение: время содержит порядок явлений в их последовательности и протяженности.

Идеальное «*присносущее*» время — ноуменальная протяженность, в которой пребывает и определяется вся предметно-субъектная множественность, протяженность, включающая без исключения все разнообразие бытия сущих вещей.

«Век бо ни время есть, ни времени часть. Не число бо убо, но еже нам время, слънобньнымъ прехожениемъ чьтомо, се присносущимъ век. Лето уставися и время повелено есть. Время же есть спротязаемо мира (мера) съставления, в нем же всяко мерится, движение ли звездъ, ли животъ, ли что таковыхъ»⁶.

«Век есть ни время, ни часть времени, <век. — А. Ш.> не исчислим. Чем является для нас время? То, что считается длительностью существования. Для существующих вечно — век. Летоисчисление установилось и появилось время. Время показывает протяженность мира, <меру — А. Ш.> его составления. В нем же все измеряется: движение звезд, жизнь и все остальное». — А. Ш.).

Как мы видим, первобытное время «*векъ*» выступает как мера и ноуменальная пропорция пространственного континуума, связанная с ним в онтологическом единстве. В совершенные временные пропорции укладывается вся сущностная иерархия бытия, начиная с высших небесных (ангельских) сфер и заканчивая самой жизнью, воплощенной в веществе. Идеальное время существовало и существует само по себе вне зависимости от материальных изменений и превращений. Первобытное Время понималось как совершенство бытия: «*Егда будещи во времени, и насъ помяни*»⁷ («Когда пребудешь в вечности помяни нас». — А. Ш.),

говорит древнее славянское житие. Таким образом, первоначальное время не воспринималось как изначально энтропийное, разлагающееся и исчезающее, «всепожирающий Хронос» Античности.

Существовало абсолютное тождество субстанций направления (пространства) и времени, практически неразличимость их функций. Пространственно-временной континуум имел совершенно одинаковые качества (единичность, мегаразмер, а также всепроникаемость, отдельность, соединение-разъединение, дальность-близость). Время и пространство обладали тождественным характером инструментальной причины всего явленного универсума. Пространственно-временные рамки являются «вместилищем» всего множества соединенных вещей. В «присносущем» времени, в «навремени», происходило чистое бытийственное становление вне какой-либо меры, пребывающее сразу в двух смыслах, одновременно, избегающее проходящего времени и изменяющегося вещества. Парадокс временного чистого становления – это парадокс бесконечного тождества всех смыслов сразу: будущего и прошлого, «до» и «после», избытка и недостатка, причины и эффекта. Для тел и положений вещей существовало только одно время – настоящее. И такое время было причиной особых вещей, состоящих из совершенной и идеальной природы. Вещи, существующие в «присносущем», были именно совершенными, а не бестелесными эффектами. Вещи имели идеальные физические качества с совершенными логическими атрибутами.

Идеальное время тождественно с самим началом бытия, с его появлением из трансцендентной глубины. Само наличие этого времени исключает у сущего все абсолютные атрибуты. Сущее – не часть и не низшая эманация Абсолюта, а его бытие проходит в установленных онтологических пределах и самостоятельно развивается по вложенным в него гармоничным законам.

«рече Мосеи да бы не мнели члвцы яко без начала есть небо и земля инъ начатокъ имать. И бытью время указаютъ»⁸.

«и сказал Моисей: «Да не подумают люди, что без начала происходят небо и земля. Они имеют начало имеют и придают бытию время». – А. Ш.

Существование бытия не вечно и не безначально, что обусловлено не абсолютностью, а относительностью бытия как субстанциональной основы всех явлений. Вечность присуща лишь первобытному бытию, которое отождествляется с самой вечностью, где всякая конкретная форма бытия не ограничена и непреходяща.

Третье понимание времени в Древней Руси связано с реальным, свойственным нашему «*мертвенному*» миру временем. После онтологического искажения и появления зла, время получает иную ноуменально-материальную направленность, чем она была свойственна «*присносущему веку*». Реальное время уже не просто определение и рамки существования бытия – это пространственно-временное следование, продолжение всего без исключения множества бытия вещей, длительность их бытия. Все, что связано с сущим, принимает искаженные и неправильные направления движения. Время сущностно отделяется от бытия и превращается во всеобщую форму бытия, выражающую длительность бытия и последовательность смены состояний всех бытийственных систем и процессов в универсуме. Вместо «*присносущей*» тождественности время становится атрибутом бытия, его конечностью, выражающейся в непрерывности бытийственных изменений. Сущностные системы и процессы наличествуют «*бо временно, а не всегда*»⁹ («временно, а не всегда <не вечно>. – А. III.). В реальности, где присутствует зло, время и пространство могут характеризоваться как абстрактные характеристики бытия и как конкретные его структуры. Время и пространство задают отправные установки, на основе которых строится любая известная картина мира.

Любая часть предметно-субъектного континуума получает определенную или неопределенную (например, небесные тела) длительность своего пребывания, изменяющуюся от прошлого к будущему. Из вечности «*присносущего времени*» время превращается в поток длительности, текущий равномерно и независимо от каких-либо процессов в мире.

«Тогда разреши Господь век человека ради и раздели е на времена и лета и месяцы и дни и часы, да размышляет человекъ времен премену»¹⁰.

«Тогда разделил Господь век ради человека на время: годы, месяцы, дни, часы, чтобы размышлял человек о течении времени». – А. III.

Время превращается из идеальной и гармоничной сущности во внешнее условие бытия материи, выражающее длительность конкретных состояний и процессов и измеряемое посредством различных периодических процессов (циклы движения небесных тел, вращение Земли вокруг Солнца или вокруг своей оси, колебания маятника часов и др.). Реальное время – не ноуменальная мера вещей, а длительность процессов и мера всеобщего измерения тел. «*Владыко Господи... векомъ творыче сътворивыи времена и*

леты»¹¹ («Владыка Господь, создатель веков, сотворил времена и годы». — А. III). Время из вечности составляет преходящую и конечную меру предметно-субъектного континуума, со свойственными ему атрибутами временности, непостоянства и преходящности. Все, что имеет связь с веществом, получает конечность своего существования и относительность любого из проявлений бытия. Вместо того чтобы оставаться идеальным, объективным континуумом, время приобретает формы субъективного существования вещей, исчезающих со смертью личного «Я».

Бытийственный континуум окончательно разделяется на ноуменальный и вещественный. Если первый имеет идеальные и совершенные основы и оттого существует в первобытной вечности, то материальное пространство приобретает детерминированные атрибуты несовершенства, длительности, ведущих к конечности вещей: «Видимая бо временна. невидимая же вечна»¹² («видимое есть временное, а невидимое существует вечно». — А. III.). Для материального пространства, время становится самодовлеющей, всеобщей формой существования самого бытия на всех структурных и системных уровнях. Вечность присуща бытию в целом, что придает ему обманчивые абсолютные черты. Видимое бытие обуславливает себя субстанциальной основой всех явлений, что при разорванной онтологической связи приводит к тому, что всякая конкретная форма, состоящая из вещества, оказывается ограниченной и преходящей во времени. Всем временным отношениям в мире становится свойственна определенная длительность, представляющая собой последовательность и рядоположенность сменяющихся друг друга моментов и состояний¹³.

Универсальность длительности обусловлена наличием в каждом изменении последовательно реализующихся этапов, зависящих от конечной скорости распространения воздействия на вещество разнонаправленных ноуменальных действий. Длительность временного существования всех конкретных тел выступает как единство прерывного и непрерывного. В вещественном континууме борются непримиримые дуальные начала. Сохраняемость бытия и непрерывная последовательность его изменений, происходящих в виде близкодействия в причинной связи, обуславливают общую непрерывность и связанность времени, отсутствие в нем разрывов. Вместе с тем время как противоречивая форма бытия складывается из множества дуальных последовательностей и длительностей существования конкретных объектов, каждый из которых имеет свое начало и конец. В силу этого времени присуща определенная прерывность, выражающая периоды существования конкретных качественных состояний.

Однако эта прерывность всегда относительна, поскольку при смене качественных состояний основы бытия не уничтожаются, а лишь переходят в другие формы, продолжая непрерывно существовать¹⁴.

Став дискретным, время получает бытийственную одномерность, выражающуюся в проявлении асимметричности и необратимости. Время распадается на противоположные пары понятий: «одновременно – не одновременно», «быстро – медленно», «раньше – позже» и т.д. «Дальность» («дальность») и «близость» («близость») в пространстве, и «дальность» и «близость» во времени, перестают совпадать, более того, становятся противоположными. Все изменения в мире происходят от прошлого к будущему. Однонаправленность времени обусловлена асимметрией дуальных причинно-следственных отношений, общей необратимостью процесса развития детерминированных временем систем, невозможностью абсолютно полного повторения пройденных состояний и циклов изменения систем. Любая вещественная система существует и развивается по своему собственному, искаженному времени, которое зависит от характера циклических изменений в ее структуре и внешней среде, от скорости и правильности ноуменального движения, направляющего вещество по тому или иному пути.

Мы уже отмечали выше, что время несубстанциально, т.е. не является физической сущностью. Время предстает как особая субстанциальная реальность, некое поле, соединяющее вещи. Поэтому время принимает характер следствия, а не причины. Время – это некий «выводной» знак, выводящий обусловленные понятия «раньше», «позже», «быстро» и «медленно». По причине же своей невещественной субстанции, физическое время возникает вместе с конкретными материальными объектами, процессами. Функциональное время образуется протяженностью реально существующих материальных объектов, с момента их возникновения и до исчезновения в качестве таковых (в связи с воплощением их материального содержания в другие, последующие объекты). Наступает процесс вечного круговорота вещей в пространственно-временных границах, действующий уже не в логическом, а в онтологическом горизонте. Новые же, точнее, последующие бытийственные объекты, процессы, по причине необратимого бытийственного круговращения во времени, образуют уже свои собственные времена, в которых и существуют¹⁵. Одновременно меняются состояния материальных объектов и сами объекты, последовательно меняют друг друга во временной длительности, образуемой ими. Изменяется ноуменально-вещественное содержание объектов, поскольку состояние изменчивости и конечности

субстанциально, оно воплощается в последующие объекты. В тоже время, образуемые, в результате этого процесса, несубстанциальные временные длительности, не могут переходить от объекта к объекту. Если пространство допускает свободное перемещение в любом направлении, то в том, что касается времени, все выглядит иначе. По отношению ко времени бытие статично, время как бы обтекает бытие, двигаясь в одном и том же направлении, и бытие не властно над этой фактической конечностью.

Функциональное время выступает как начало возникновения, пребывания и разрушения всех следствий. Время становится приложимым к каждой бытийственной причине, как неизбежный, необратимый финал существования, заключенный в ее конечности и гибели. Сущее попадает под власть вечного разрушения и появления, его бытие оказывается в плену обманчивого бытийственного наваждения. *«Въ летех рече и въ временехъ будеть... вашъ князь сотона»*¹⁶ («В годах и временах будет ... ваш князь Сотона». — А. Ш.). Время — это поле, в котором неуклонно накапливается энтропия — процесс, который в перспективе приводит к разрушению всех и всяческих связей, к распаду всего сущего на исходные элементы, пребывающие в абсолютной неподвижности и лишены какого бы то ни было взаимодействия. В нордической мифологии такой трагический финал именуется «сумерками богов»¹⁷.

Время и пространство из единой и тождественной онтологической структуры превращаются в две разные бытийственные системы. Пространство — это вся множественность сосуществования вещей, время — это смена вещей друг другом. Время и пространство определяют мгновенность и конечность структуры бытия, зафиксированной во времени как длительность, сменяемость объектов, их стадий и состояний, в пространстве — как форма их взаимодействия, сочетания, «со-бытия». Временной момент неотделим от любого бытийственного события, т.е. практически неотделим от самого элемента существования. Актуальная система, состояние вещей или область функции определяются как время между двумя мгновениями¹⁸.

Такая энтропийная необратимость времени предполагает новое существование бытия. Конечность конкретного объекта порождает в нем искаженную бытийственную активность, что ведет к необратимым процессам, а необратимые процессы по-иному организуют материю. Ноуменальное бытие детерминировано необратимым, а феноменальное пространство становится детерминировано случайным. Случайное становится законоположенным. Необратимые процессы самопроизводят внутреннюю активность, проявляющуюся в виде искаженного ноуменального действия

внутри бытийственной природы. Время выявляет максимальную энтропию, заключенную в духовной природе вещей, что приводит к исчезновению всего индивидуального и выравниванию всех различий. Фактическое время предстает как неизменяемая неотвратимость конца: *«иже погубит злато и паки другое обрящеть, а иже время погубитъ. не обрящеть иного»*¹⁹ («если исчезнет золото, еще найдется другое, а если время погубит, то не найдем другого». — А. Ш.).

Под влиянием энтропийного ноуменального действия любая система теряет равновесие и тождество и бытийственные системы становятся открытыми и беззащитными перед временной конечностью. Сущностная реальность теряет порядок, стабильность и равновесие: главенствующую роль в мире играют неустойчивость и неравновесность, изъяны и несовершенства сущего. Любая сущностная система под влиянием извращенных ноуменальных факторов не выдерживает своего состояния и разрушается²⁰.

Бытийственная система выбирает ноуменальное направление, по которому будет происходить ее дальнейшее изменение. Ноуменальное действие выступает в виде особой точки, устремляющей измененную систему в особое направление. Как правило, ноуменальное движение сущего имеет искаженную направленность, что нарушает бытийственное равновесие, а неравновесные системы всегда склоняются к хаотическому режиму. Любой бытийственный процесс: биологический, физический или механический выходит за пределы собственного внутреннего равновесия и стремится, а некоторые и вступают в область хаоса, где процесс приобретает совершенно непредсказуемые движения, являющиеся произвольными, случайными, непериодическими. В поле хаоса все процессы пытаются принять необратимый характер. Неравновесность ведет к хаотическому размыванию любой системы. Эволюция системы может быть описана траекторией, ведущей из точки, которая представляет начальное состояние, к точке, которая представляет собой конечное состояние траектории в пространстве. Течение случайных процессов подчиняется особым законам. Эти законы устанавливают измерение ограниченных, обладающих мерой вещей, измерение фиксированных качеств, предполагающих паузы и остановки, фиксацию настоящего и указывают на предмет в данный момент времени²¹.

В физическом времени меняются не вещи, а события, связанные с внутренним движением вещей. Событие проявляется как результат внутреннего бытийственного действия, присущего тому или иному объекту. Время превращается в необходимость объек-

тов и тел, действующих и подвергающихся воздействию. Только настоящее существует во времени, собирает и поглощает прошлое и будущее. Но только прошлое и будущее присущи времени и бесконечно разделяют каждое настоящее. Объекты существуют в неуловимом настоящем. Существование объекта находится между прошлым, которое было, и будущим, которое еще не наступило. Прошлое и будущее превращаются в два ориентированных измерения виртуального настоящего. Бытие всегда движется от прошлого к будущему, но лишь постольку, поскольку моменты настоящего следуют друг за другом внутри частных миров или частных систем.

Настоящее — это момент, бесконечно делимый на прошлое и будущее, на бестелесные эффекты, которые являются результатом действий и страданий тел. Время уже не бесконечно, оно бесконечно делимо. Существует лишь прошлое и будущее, которые делят настоящее до бесконечности, каким бы малым оно ни было, вытягивая его вдоль своей пустой линии. Такое время — чистая прямая линия, две крайние точки которой непременно отдаляются друг от друга в прошлое и будущее. Бытие становится химерой и «всепожирающим Хроносом». Время — не вечность, а ничто, чистый математический момент, бытие разума, выражающее прошлое и будущее, на которые оно разделено. Физическое и искаженное время — чистая прямая линия на поверхности, бестелесная, безграничная, пустая форма времени, независимая ни от какой материи и представляющая собой время событий-эффектов. Настоящее измеряет временное осуществление события, его вселение в глубину действующих тел и воплощение в данном временном положении вещей.

Дискретное и конечное время, установленное в физическом мире после бытийственной катастрофы рассматривалось в Древней Руси как ложное время и аномальное бытийственное движение. *«Сея временная и скверная и скверная жизни, яко змиинных ядовитых устен бегаемъ»*²⁴ («Этой временной и скверной жизни, избегаем как ядовитых змеинных уст». — А. Ш.). Конечность и тленность присущи только искаженному существованию, которым, в свою очередь, свойственно временное завершение. Ложное время уничтожит само себя, наступит момент, когда оно прекратится. Время рассматривалось в Древней Руси не как цикличное, а как линейное движение от данного, *«несовершенного»* настоящего к *«совершенному»* будущему. Таким образом, время постулируется как развитие бытия через человеческую и ноуменальную историю между тем, что «было» и тем, что «будет». Отправной точкой в средневековом понимании истории, является воплощение Абсолюта в антропоморфном, вещественном образе. Подобное время

и движение – не выявление того, что уже пребывало в готовом виде определенного временного цикла, а именно исполнение предсказанного. Временная история становится столкновением различных бытийственных начал и последующей трансфигурации всего сущего.

Сущностная история не конституируется от идеального «золотого века» по нисходящей линии. «Конецъ времянь»²⁵ («Конец времен») в древнерусском понимании не циклический возврат к первоначальной, первобытной точке, а создание нового мира – «новаго неба и земли»²⁶ («нового неба и земли»). Древнерусскую культуру интересовали не просто важные исторические события, не от них она вела свой отчет (как например, от сотворения Рима или петровских преобразований, или смерти исторического героя, как например культ В. Ленина в СССР). За основу принимается метафизическая основа прошлого, начинающаяся от момента творения мира, от бытийственной, ноуменальной катастрофы, до появления и сущностного искажения первочеловека Адама («первородного греха»). Внутреннее напряжение человеческой истории создается духовной деятельностью «*богоизбраннаго*» («богоизбранного») народа, ветхозаветных пророков и воплощением Мессии и последующим духовным напряжением («*подвигомъ*») всех народов, просвещенных Христианством. В имманентной истории всегда подчеркивался трансцендентный элемент, соединяющий начало времени и его конец, и устанавливалось отношение любого имманентного момента к метафизическим основам, где встречаются прошлое и будущее.

Возникновение, пребывание и разрушение вещей рассматривалось в Древней Руси как следствие онтологической катастрофы, исказившей первоначальную вечность. Возникновение и пребывание – это условия, вытекающие из «*присносущего*» времени, его субстанциальной основы, а разрушение (тление, смерть) вещей есть то, что не имеет никакого отношения к вечности, а служит чисто внешними условиями, неподлинными проекциями единой субстанции. Поэтому вся разрушительная множественность временных понятий и искаженных действий, связываемых обычно с физическим, наличным временем является истинной природой древней ноуменальной субстанции с извращенными свойствами, которая, как прозрачный кристалл, не обладая собственным цветом, преломляет цвет окружающих его предметов. Временная неизбежность разрушения бытия не подлинная реальность, разрушение является привходящим «извне» временным ограничением самого бытия. Именно временное ограничение заставляет бытие противоречить первоначальной вечности. Субстанция физического времени, лишенная веч-

ности — своего действенного источника — превращается в мертвую вечность бытия, основы которой всепоглощение и разрушение.

Появление времени, а с ним и конечности любых форм бытия привело к тому, что всякое бытийственное движение оказывается возможным лишь тогда, когда каждый элемент, именуемый «наличным» и являющийся в цепи настоящего, соотносится с чем-то иным, чем он сам. Любой элемент бытия хранит в себе отголосок, порожденный звучанием искаженного действия прошлого элемента, чем разрушается собственное отношение к сущностному элементу будущего. Этот несовершенный след в равной мере относится и к так называемому будущему и к так называемому прошлому, он образует так называемое настоящее в силу самого отношения к тому, чем он сам не является. Зло заключено во времени, ставшем определяющим началом для конечности бытия. Физическое и реальное время расценивалось древнерусской мыслью как вечный недостаток, как негативная тленность в любом явлении и предмете.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Иоанн Синайский*. Лествица с дополнениями. РГБ. Волок. 463. XV в. — Л. 252.

² Там же. — Л. 252 об.

³ Там же.

⁴ Там же. — Л. 253 об.

⁵ Там же. — Л. 253

⁶ Альфа и Омега. Супрасль. 1787. — Л. 20.

⁷ Там же. — Л. 20 об.

⁸ Рукописный сборник (Частное собрание) XVI в. — Л. 10.

⁹ Кормчая сербской редакции («Рашская кормчая»). Отрывки. РГБ. Унд. № 25. 1305 г. — Л. 10.

¹⁰ Рукописный сборник (Частное собрание). XV в. — Л. 20 об.

¹¹ Там же. — Л. 21.

¹² Там же. — Л. 21 об.

¹³ *Уитроу Дж.* Естественная философия времени. М., 1964. — С. 70 — 74.

¹⁴ *Needham J.* Time and Eastern man. — Glasgow, 1965. — P. 137 — 139.

¹⁵ *Ruberg U.* Raum und Zeit. — München, 1965. — S. 78 — 80.

¹⁶ Рукописный сборник (Частное собрание). XVI в. — Л. 11 об.

¹⁷ *Unitz M. K.* Theories of the Universe. Glencoe, 1957. — P. 234.

¹⁸ Что есть время // *Гуревич А.Я.* Категории средневековой культуры. Избр. труды. — М., 1999. В 2 т. Т. 2. — С. 115.

¹⁹ Рукописный сборник (Частное собрание). XVI в. — Л. 12.

²⁰ *Эйкен Г.* История и система средневекового мирозерцания. — СПб., 1907. — С. 136.

²¹ *Kobler G.* Das Recht im fruhen Mittelaler. Köln; Wien, 1971. — S. 78.

²² *Ньютон И.* Математические начала натуральной философии. — М., 1989. С. 30.

- ²⁴ Миняя служебная, марг – август, с проложными житиями. Без начала и конца, ГИМ. Хлуд. № 156. XIV в. – Л. 306.
- ²⁵ Рукописный сборник (Частное собрание). XVI в. – Л. 12. Частное собрание.
- ²⁶ Там же. – Л. 12 об.

Аннотация

Ключевые слова: *время, зло, разрушение, вечность, тление, жизнь, пространство, век, предмет, субъект, реальность, множественность, движение*

Исследуется проблема взаимоотношений времени и зла. Возникновение, существование и разрушение вещей рассматривалось в Древней Руси как следствие онтологической катастрофы и появления зла, искаживших первоначальную вечность. Возникновение и пребывание – это условия, вытекающие из «вечного» времени, его некой субстанциальной основы, а разрушение (тление, смерть) вещей есть то, что не имеет никакого отношения к вечности, а служит лишь чисто внешними условиями, в сущности неподлинными проекциями единой субстанции.

Summary

Keywords: *time, evil, destruction, eternity, decay, life, space, century.*

The article investigates problem of mutual relation of time and evil. Occurrence, existence and destruction of things was considered in Ancient Russia as consequence of ontologic accident and occurrence of the evil deformed initial eternity. Occurrence and stay are the conditions following from «eternal» time, its certain substantive basis, and destruction (decay, death) of things is something that has nothing to do with eternity, and serves as only purely external conditions, in effect not original projections of a uniform substance.